

В. Г. Андреева

«Реализм» в русской литературе второй половины XIX в.

В статье идет речь о неуместности дополнения термина «реализм» различными определениями, приводятся рассуждения о христианском по своей сути русском реализме, который в основе содержит веками хранимый русскими людьми идеал жизни и поведения. По мнению автора статьи, выделение типов реализма противоречит глубокому смыслу этого направления. Необходимо говорить не о типах реализма, а о характере мировоззрения художника, новаторстве его идейной позиции, о восприятии автором человека и его места в мире. Для русских писателей особо важными оказываются способность и желание личности жить для других и ради других, поэтому так значимы в русских романах пути ошибок и страданий героев. Исключительное правдоподобие художественных миров, максимальная реалистичность изображения, найденная авторами уникальная пропорция в представлении действительности и идеала, Божественного промысла, который и в жизни явлен не в виде чудес, а в виде порою трудно и долго прозреваемых людьми совпадений, оказываются проявлением высшего уровня мастерства писателя-реалиста.

Ключевые слова: реализм, «духовный реализм», типы реализма, религиозное литературоведение, мировоззрение, личность, действительность, системный метод.

V. G. Andreeva

"Realism" in Russian Literature of the Second Half of the XIX century

In the article there is a speech about irrelevance to add the term "realism" with various definitions, are presented reasonings about Christian in its essence the Russian realism which contains in its basis the ideal of life and behaviour saved for centuries by the Russian people. According to the author's opinion, allocation of types of realism contradicts to the deep meaning of this direction. It is necessary to speak not about realism types but about the nature of the artist's outlook, innovation of his ideological position, about the author's perception of the person and his place in the world.

For the Russian writers an ability and desire of the personality to live for others and for the sake of others are especially important and therefore in the Russian novels ways of mistakes and sufferings of heroes are so significant. Exclusive love to the truth of the art worlds, the maximum realness of the image, found by the authors a unique proportion in representation of reality and the ideal, the Divine providence which in life is shown not in the form of miracles, but as coincidences sometimes observed by people in a difficult and long way, seem to be the highest level of the writer-realist's skills.

Keywords: realism, "spiritual realism", realism types, religious literary criticism, outlook, a personality, reality, a system method.

В последнее время в литературоведении, когда речь идет о русской литературе XIX в., нередко появляются призывы к дополнению термина «реализм» различного рода определениями: к примеру, говорят о «символическом реализме», «реализме эмблематическом», «духовном реализме». Постараемся доказать, что дополнения данного термина избыточны. По нашему мнению, в рамках литературы XIX в., особенно второй его половины, неуместно рассуждение о разных типах реализма.

Прежде всего, оговоримся, что речь в данной статье идет именно о литературе XIX в. Одна из ошибочных тенденций состоит, по нашему мнению, в искусственном расширении верно данных определений. Так происходит с термином «духовный реализм», принятом для описания художественного метода некоторых писателей начала XX в., в частности, Б. К. Зайцева и

И. С. Шмелева, но распространяемом также на творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. К примеру, И. Б. Аванесян, ссылаясь на ряд исследователей (в том числе на А. П. Черникова, А. М. Любомудрова), предпринимает, по нашему мнению, неубедительную попытку унифицированного использования термина «духовный реализм». Рассуждая о религиозном литературоведении, исследовательница видит его цель в поиске «особого метода, при помощи которого писатель изображает духовную реальность в произведении» [1, с. 13].

Но что подразумевать литературоведам в данном случае под «духовной реальностью»? Конечно, если считать, что определение «реальный» означает «дельный, деловой, прикладной, опытный, насущный, житейский», как его определяет В. И. Даль [6, с. 87], то у исследователя при описании жизненной целостности возникает

необходимость дополнения этого определения рядом антонимов. Но ведь под реальностью в рассматриваемом широком контексте принято и стоит понимать *действительность со всеми ее сложностями* и, конечно, *саму жизнь*. «Совмещение идеальной точки зрения с верностью и полнотой изображения действительности – такова основа всей поэтики реализма», – отмечал В. Д. Днепров [7, с. 16].

То, что идеал для многих русских писателей XIX в. был немислим без опоры на христианские ценности, не вызывает никакого сомнения. Н. П. Жилина справедливо замечает: «В современном общественном сознании все больше утверждается мысль о том, что любая национальная культура в своих истоках религиозна и ее характер и своеобразие обусловлены в первую очередь влиянием той религии, которая стала основой мировоззрения, системы ценностей, нравственности и всего уклада жизни народа. Таким образом, тип любой национальной культуры определяется содержанием той религии, которая лежит в ее основании и представляет доминанту культурного развития» [9, с. 3].

На это обстоятельство давно обращал внимание русский религиозный философ первой половины XX в. Н. А. Бердяев. Он писал: «...в русской литературе, у великих писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира. <...> Вся наша литература XIX в. ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира. Русская литература потрясла мир своим правдолюбием и человеколюбием. Русские писатели пережили трагедию творчества, которой в таких размерах и такой глубине не знали писатели Запада. <...> Русскую литературу XIX в. более “мучил Бог”, чем какую-либо другую литературу в мире, и эта мука о Боге была также мукой о человеке. В этом ее величие и ее значение для русской религиозной мысли. Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской, даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской веры» [3].

Термин «христианский реализм», активно используемый В. Н. Захаровым, И. А. Есауловым и понимаемый как «реализм в высшем смысле слова», по нашему мнению, также дискредитирует термин «реализм». И. А. Есаулов понятие «христианский реализм» ставит вне всех осталь-

ных течений и направлений, обозначая его надвременной характер: «Следует подчеркнуть, что само понятие христианского реализма – явление совершенно иного семантического ряда, нежели принятые обозначения литературных направлений (классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма): речь идет о трансисторическом творческом принципе, который проявляет себя в литературе и искусстве христианского типа культуры» [8, с. 101–102]. Исследователь рассуждает о необходимости узаконивания чуда в художественном произведении, которое может быть рассмотрено как реальный непреложный факт именно с точки зрения христианского реализма.

Однако тогда получится, что, к примеру, «Черный монах» А. П. Чехова станет ярчайшим образцом этого типа реализма, как и «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, а вот роману «Обрыв» А. И. Гончарова в принадлежности к «христианскому реализму» будет отказано. В таком случае «Войну и мир» можно будет признать образцом «христианского реализма», поскольку Андрей Болконский перед кончиной увидел приходившую за ним смерть, а вот «Анну Каренину» или «Воскресение», к сожалению, нет. Какие же в этих романах чудеса? Разве только чудо и великое таинство рождения, таинство причастия, да еще сотни мельчайших дивных совпадений и переплетений, устроенных то ли автором, то ли самой жизнью.

Здесь мы сталкиваемся с очень интересным явлением, связанным с особенностями восприятия русской классической литературы, понимаем всю *универсальность* термина «реализм». Для верующего писателя и читателя мир немислим без Бога, без высших законов, на основе которых он держится. Именно максимальная реалистичность изображения, найденная автором уникальная пропорция в представлении действительности и идеала, Божественного промысла, который и в жизни явлен не в виде чудес, а в виде порою трудно и долго прозреваемых людьми совпадений, оказываются проявлением высшего уровня мастерства писателя.

Попытка полярно разделить реализм на «классический», связанный с эвдемоническим миропониманием, и «духовный», определяющий то искусство, которое относится к сотериологическому типу культуры, кажется нам слишком прямолинейной. В данном случае речь идет не о несогласии или отвержении двух указанных типов искусства, а лишь о неуместности прямой параллели между этими двумя видами и выделе-

нии на их основе соответствующих типов реализма. К примеру, не вызывает никаких сомнений описание А. М. Любомудровым сотериологического типа культуры: «Речь идет даже не столько о мировоззрении (художника или героя), но о духовном *мировосприятии, миропонимании*. Если в предмет такого творчества включены и духовные реалии, воссозданные в рамках христианской картины мира, если признается онтологический статус Бога, идея бессмертия души и как важнейшее делание – ее спасение в вечности, то такое искусство относится к сотериологическому типу культуры» [10, с. 114].

Существует разница между художественным миром произведения, автором которого является верующий человек, и художественным миром произведения, созданного, к примеру, атеистом. Но верующий читатель будет воспринимать художественный мир, созданный писателем-атеистом, совсем не так, как, к примеру, читатель-атеист. Порою духовно-нравственное содержание, заложенное автором произведения в сложную систему художественных средств, оказывается настолько емким, важным, что у исследователя будто бы появляется повод для выделения такого явления в особую группу, категорию. На самом деле оснований для этого нет, прежде всего, потому, что литературовед до конца не сможет проанализировать степень осознанности включения автором того или иного художественного элемента во «вторую реальность» – художественное произведение.

Лучше говорить не о типах реализма, а о характере мировоззрения художника, новаторстве его идейной позиции, о восприятии писателем человека и его места в мире. Особенностью русского реализма XIX в. явилось уникальное совмещение интереса к социальным вопросам, психологии героев, поведению человека в определенных ситуациях с интересом не просто к вечным проблемам (они ведь тоже оказываются важны как раз в рамках земного пути), а к проблеме иного бытия, существования Бога и возможности его воздействия на судьбы людей.

Наличие произведений, в которых в разной степени представлена читателям «духовная вертикаль жизни», не является поводом для создания классификаций или градаций художественных миров: в этом случае литературовед, изучающий русскую литературу XIX в., оказывается в неоднозначном положении, ведь «реализм» тогда и вовсе придется заменить «духовным реализмом». Конечно, нельзя не учитывать, что все

произведения в разной степени затрагивают глубинный пласт жизни, ее основы.

Так, персонаж В. Г. Старостина, созданный им в романе «Наше счастье, или некоторые черты из жизни невеликого человека, как он сам написал с присовокуплением табели о счастье и моих собственных замечаний» (написан в 1870 г., опубликован в 1901 г.), постоянно осознает свою ничтожность, слабость и ограниченность по сравнению с другими. Все его существование заключается в непрерывном счете рублей и копеек, изобретении способов протянуть на эти деньги еще какое-то время. В детстве Ванечке не хватает серьезности и усидчивости, в юности – выдержки и упорства, а отсутствие способностей и готовности к самоотверженному труду не позволяет ему преодолеть жизненные преграды: он не оканчивает гимназию, бросает службу. Итог, к которому приходит герой романа, практически ничем не отличается от начала его пути, будущее оказывается практически уравнено с прошлым: «Я всегда страстно и пламенно желал быть хорошим, добрым, честным, гуманным и сколько усилий, сколько зарокос делал и сколько горя испытал только потому, что не было выдержки, характера, вот этой самой культуры и – ничего не вышло! Все недостатки, но и все достоинства остались те же, что были в детстве» [11].

Но для многих героев русских романов XIX в. путь жизни стал творческим подвигом преображения своего «я» и мира. Для русских писателей нехарактерно пренебрежение к земной жизни. И, несмотря на противопоставления «телесного», «животного» и «духовного», «нетленного», которые не раз проводили русские классики, последние категории и понятия важны для них именно в этой, земной жизни. Поэтому нам кажется неуместным проводимое разделение реализма классического и «духовного» как направлений, основывающих преобразование мира, соответственно, на изменениях в социально-экономической и духовной сферах.

«Лучи из мира иного могут временами проникать в художественное пространство критического реализма, но не оказывают решающего влияния на ход вещей. Явным или подспудным стимулом большинства писателей-классиков (хотя и не всех) было стремление к благу для человека в пределах наличного, земного бытия, достигаемого, по большей части, путем изменения окружающих обстоятельств», – пишет А. М. Любомудров [10, с. 113]. Но для русских классиков высшая святость и религиозность че-

ловека проявляются не в его самосохранении, не в соблюдении правил и запретов, а в возможности и желании жить для других и ради других. Именно земной путь, путь ошибок и страданий героев, жизнь в обществе, среди людей помогает прийти к утверждению личности. «“Самосознание” лишь основывается на личности, но не формирует саму личность. Она раскрывается прежде всего не во “внутренней жизни” человека, а в общении (Богообщении и межличностном общении, в самом широком смысле слова)», – пишет Ф. А. Гайда [5].

Так, общение с Сонечкой Мармеладовой, мимо семейства которой когда-то не смог равнодушно пройти Родион Раскольников, способствует в романе Ф. М. Достоевского началу пробуждения, изменения героя, теряющегося перед христиански-сострадательной любовью героини и окончательно теряющего остатки своей страшной теории. Так, Алеша Карамазов именно для своего становления и духовной зрелости должен пройти через мирские сомнения и искушения, выслушать брата Ивана. А воскресение Дмитрия Нехлюдова в последнем романе Л. Н. Толстого – это не факт, а длительный процесс, происходящий в результате его встречи с людьми, общения с теми, кто когда-то был ему неведом и чужд. Воскресение Нехлюдова происходит не в зале суда при виде Масловой и воспоминании о прошлом поступке, а при встрече с надзирателями, политическими заключенными, адвокатами, прокурорами, мужиками и ребятишками в его же деревнях, стариком на пароме, рабочими в вагонах третьего класса.

Существует и еще одна опасность дополнения термина «реализм» разными определениями, которая заключается в том, что исследователь может уйти от своей цели в отвлеченный морализм, отойти от *стремления* достигнуть дескриптивного уровня понимания и описания объекта изучения. Кроме того, допуская существование и обособление «духовного реализма» как особого явления и, соответственно, термина, его определяющего, обнаруживаем необходимость в новом литературоведческом методе исследования, который был бы адекватен изучаемому объекту. В данном случае речь не может идти о комплексном методе изучения литературы, поскольку он потребует привлечения методов других наук.

Выход видится нам в использовании системного метода исследования художественного произведения, который позволяет оценить и совокупность элементов, составляющих художест-

венный мир произведения, и разнообразных связей между этими элементами (вертикальных, горизонтальных, ассоциативных и пр.), наконец, оценить организацию системы, упорядоченность ее элементов. По нашему мнению, составляющей частью такого системного анализа и должно быть изучение той «духовной вертикали», о которой говорит А. М. Любомудров.

Мы разделяем призыв В. Е. Хализева к очищению термина «реализм» «от примитивных и вульгаризаторских напластований». «Естественно считаться с традицией, согласно которой данным словом (или словосочетанием “классический реализм”) обозначается богатый, многоплановый и вечно живой художественный опыт XIX столетия (в России – от Пушкина до Чехова)», – пишет ученый [12, с. 401]. Наивысшего проявления реализм достиг, конечно, в русском эпическом романе XIX в. Уместно здесь вспомнить интересную градацию Б. И. Бурсова, отметившего, что до появления реалистического романа XIX в. в России существовали уже сверхроманы («Евгений Онегин» и «Мертвые души»), после которых наступило время предроманов, где человек, стремящийся сохранить свои убеждения, терялся перед действительностью и обилием проблем, обрушившихся на него. Путь русского романа к его эпическим образцам был долгим, с возвращениями назад, потерями и новыми приобретениями. Но нам важно отметить, что своеобразная тотальность, присутствие в жизни Божественной воли были реализованы наиболее полно как раз в эпических романах второй половины XIX в.

В русской литературе пореформенного времени (конец 1860-х – 1880-е гг.) представлено сложное и емкое соединение параллельно развивающихся и дополняющих друг друга тем. В первую очередь русских писателей интересует человек, его внутренний мир, во вторую – многообразные связи отдельных взятых людей друг с другом и со всем человечеством. Перед русскими писателями стояла задача поиска не только связующих элементов в условиях калейдоскопичной действительности, но и вопрос преодоления стандартизации духовной жизни личности.

Человек, идущий по верному пути, воспринимается русскими романистами в это время как стремящийся в идеале к богочеловечности Христа, как гармоничное и единственно правильное сочетание двух неверных пониманий, прекрасно переданных С. Л. Франком: согласно первому, «самосознание человека определено сознанием его ничтожества, слабости, безусловной подчи-

ненности и порабощенности безмерно превышающим его силам бытия»; согласно второму, «человек начал сознавать себя, напротив, неким самодержцем, верховным властителем и хозяином своего собственного и всего мирового бытия» [13, с. 308]. Между тем, представленные выше две крайности изображаются русскими писателями как основные заблуждения: ощущение своего ничтожества, самоумаление не позволяет человеку чувствовать заложенную в нем способность к решительным действиям, к преобразению своей души и мира вокруг. Признание за собой последнего решающего слова, абсолютно авторитета делает людей самонадеянными и слепыми в выборе.

Герой русского романа (будь то помещик Левин в «Анне Карениной», постоянно обращающийся к народному опыту, или полуаристократ Нежданов в тургеневской «Нови», до конца не понимающий народа и его чаяний), несмотря на то, удачен его опыт или нет, не мыслит своей судьбы вне русской общественной жизни, вне судьбы страны. По нашему мнению, наиболее полно и ярко эта связь человека с другими людьми во времени и пространстве (с предками и потомками, с близкими по крови и духу и чужими, находящимися в соседней комнате или в другом городе, в другой стране) видна в произведениях Л. Н. Толстого. Как справедливо отметил Б. И. Бурсов, «Толстой избирает своим героем человека, ищущего связь своей личности со своим народом, со всеми людьми своего времени, даже более того – со всем тем, что было в мире до него и что будет потом, впоследствии. Это один из коренных принципов мировоззрения и реализма Толстого» [4, с. 282].

Почти все выдающиеся герои романов второй половины XIX в. поражают читателей своим еще не реализованным потенциалом, который может быть (потому что в жизни, как правдиво показывают писатели, может быть все) направлен на преодоление своих несовершенств. Важно, что многие главные, любимые герои русских писателей показаны живыми людьми с недостатками и сомнениями. И в силу того, что русские писатели остерегались роли судей, и в силу указанной незавершенности пути большинства персонажей, классики русской литературы старались не выносить приговоров. Интересно, как Ю. И. Айхенвальд, вспоминая обвинения В. Г. Черткова в адрес С. А. Толстой, говорит о человеке в произведениях Толстого: «Ведь в своих произведениях наш великий художник всегда

изображал человека существом нецельным, нестильным, незаконченным; и, тем не менее, человек с его суда неизменно уходил оправданным; в этом – один из важнейших моментов его творчества» [2].

Тот факт, что для русских писателей было важно многостороннее, разноплановое преобразование действительности, как экономическое развитие страны, так и духовно-нравственное преобразование людей, как повышение интеллектуального развития народа, уровня образования, так и его воспитание в свете религиозных норм и ценностей, показывает несостоятельность определений, уточняющих термин «реализм». Намного более продуктивным кажется нам описание тех системообразующих факторов, которые делают возможным существование художественного мира произведения и представляют этот мир максимально правдоподобным.

Библиографический список

1. Аванесян, И. Б. Проблемы изучения духовного реализма как художественного метода в современном литературоведении [Текст] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 2. – С. 13–15.
2. Айхенвальд, Ю. Две жены (Толстая и Достоевская) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd_j_i/text_1925_dve_zheny.shtml.
3. Бердяев, Николай. О характере русской религиозной мысли XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knigo.com/p/philos/berdyayev/berdn025.htm>
4. Бурсов, Б. И. Национальное своеобразие русской литературы [Текст]. – Л.: Сов. писатель, 1967. – 396 с.
5. Гайда, Ф. А. Личность, общество и история в свете церковно-христианского мировоззрения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/473623/>
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. IV. – СПб.: Диамант, 1996. – 684 с.
7. Днепров, В. Д. Идеи времени и формы времени [Текст]. – Л.: Сов. писатель, 1980. – 600 с.
8. Есаулов, И. А. Христианский реализм как художественный принцип Пушкина и Гоголя [Текст] // Гоголь и Пушкин: Четвертые Гоголевские чтения. – М.: Книжный дом «Университет», 2005. – С. 100–108.
9. Жилина, Н. П. Концепция личности в русской литературе первой трети XIX века в свете христианской аксиологии [Текст]. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – 240 с.
10. Любомудров, А. М. Духовный реализм как отражение религиозной культуры в художественной

литературе [Текст] // Вестник славянских культур. – 2008. – № 1–2. – С. 113–120.

11. Старостин, В. Г. Наше счастье [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://az.lib.ru/s/starostin_w_g/text_0020oldorfo.shtm

12. Хализев, В. Е. Теория литературы [Текст]. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.

13. Франк, С. Л. Духовные основы общества [Текст]. – М.: Республика, 1992. – 511 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Avanesyan, I. B. Problemy izucheniya dukhovnogo realizma kak khudozhestvennogo metoda v sovremennom literaturovedenii [Tekst] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2013. – № 2. – S. 13–15.

2. Ajkhenval'd, YU. Dve zheny (Tolstaya i Dostoevskaya) [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd_j_i/text_1925_dve_zheny.shtml.

3. Berdyayev, Nikolaj. O kharaktere russkoj religioznoj mysli KHIKH veka [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://knigo.com/p/philos/berdyayev/berdn025.htm>

4. Bursov, B. I. Natsional'noe svoeobrazie russkoj literatury [Tekst]. – L.: Sov.pisatel', 1967. – 396 s.

5. Gajda, F. A. Lichnost', obshhestvo i istoriya v svete tserkovno-khristianskogo mirovozzreniya [EHlektronnyj resurs]. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/473623/>

6. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tt. T. IV. – SPb.: Diamant, 1996. – 684 s.

7. Dneprov, V. D. Idei vremeni i formy vremeni [Tekst]. – L.: Sov.pisatel', 1980. – 600 s.

8. Esaulov, I. A. KHristianskij realizm kak khudozhestvennyj printsip Pushkina i Gogolya [Tekst] // Gogol' i Pushkin: CHetvertye Gogolevskie chteniya. – M.: Knizhnyj dom «Universitet», 2005. – S. 100–108.

9. ZHilina, N. P. Kontseptsiya lichnosti v russkoj literature pervoj treti XIX veka v svete khristianskoj aksiologii [Tekst]. – Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2009. – 240 s.

10. Lyubomudrov, A. M. Dukhovnyj realizm kak otrazhenie religioznoj kul'tury v khudozhestvennoj literature [Tekst] // Vestnik slavyanskikh kul'tur. – 2008. – № 1–2. – S. 113–120.

11. Starostin, V. G. Nashe schast'e [EHlektronnyj resurs]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/starostin_w_g/text_0020oldorfo.shtm

12. KHalizev, V. E. Teoriya literatury [Tekst]. – M.: Vyssh. shk., 2002. – 437 s.

13. Frank, S. L. Dukhovnye osnovy obshhestva [Tekst]. – M.: Respublika, 1992. – 511 s.